

Неповторимая

Галина
Вишневская

Пиковая
дама
русской
оперы

Юлия Игоревна Андреева
Галина Вишневская.
Пиковая дама русской оперы
Серия «Неповторимая (Алгоритм)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14128494

*Галина Вишневская. Пиковая дама русской оперы / Юлия Андреева:
Алгоритм; Москва; 2016
ISBN 978-5-906880-90-1*

Аннотация

Эта книга о том, как ленинградская девочка, брошенная родителями, едва ли не погибшая от голода в блокаду, стала примадонной Большого театра и лучшей певицей страны. О том, как эта страна отторгла ее от себя; о встречах с Шостаковичем и Солженицыным, Брежневым и Фурцевой; о триумфах и закулисных интригах; о высоком искусстве и низком предательстве. И, конечно же, о любви ведущей сопрано Большого театра Галины Вишневской и величайшего виолончелиста современности Мстислава Ростроповича.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Юлия Андреева Галина Вишневская. Пиковая дама русской оперы

*... Это небеса поют голосом Вишневской.
О'Санчес*

Пролог

Шел 1974 год, в аэропорту Шереметьево вокруг отъезжающего Ростроповича собрались его семья, друзья, ученики... Великий музыкант уезжал с разрешения властей в совершенно официальную двухгодичную командировку, но в то, что он когда-либо вернется, никто не верил. На самом деле вместе с ним должны были лететь жена Галина и две их дочери, Ольга¹ и Елена², но те решили немного задер-

¹ Ольга Мстиславовна Ростропович (род. 1956), виолончелистка, возглавляет музыкальный фонд Мстислава Ростроповича, помогающий молодым музыкантам и проводящий ежегодные фестивали, также в настоящее время – художественный руководитель Центра оперного пения.

² Елена Мстиславовна Ростропович (род. 1958), пианистка, руководит международным медицинским фондом «Вишневская – Ростропович», который занимается вакцинацией детей по всему миру.

жаться: Ольга собиралась поступать в консерваторию, и Галина решила, что если дочка будет зачислена на курс, после можно будет пойти в деканат и взять длительный академический отпуск. Мало ли, как сложится эта поездка, что может произойти на чужбине с ними, могут и аварию подстроить – сколько таких случаев, а так по крайней мере девочка будет уже пристроена. Обстановка нервная, никто даже не думает шутить, какие там шутки. Да и Галина уже понимает: нужно было сразу всем уезжать, пока царь-государь генсек Брежнев дал отмашку приподнять ради них железный занавес. Пока милостивец соизволил разрешить. А что, коли сейчас он выпустит Ростроповича за границу, а ее с девчонками оставит здесь заложницами?

Мстислав Ростропович и Галина Вишневская. 1965 г.
«Время было страшное, и нравственно выживали те, в ком
не был побежден дух». (Галина Вишневская)

«Вокруг вертелись какие-то подозрительные типы

в штатском, – рассказывает в своей книге Галина Вишневская. – Проводы были как похороны – все молча стоят и ждут. Время тянулось бесконечно... Вдруг Слава схватил меня за руку, глаза – полные слез, и потащил в таможенный зал.

– Не могу больше быть с ними, смотрят на меня как на покойника...»³

Не прощаясь уже ни с кем, Мстислав Леопольдович исчез за дверью. Галина повернулась, позвала собаку (вместе с Ростроповичем должен был лететь их шикарный ньюфаундленд Кузя), но тот вдруг, должно быть, прочувствовав сложность момента, отказался эмигрировать, разлегшись прямо на каменном полу и всем своим наглым аристократическим видом демонстрируя несогласие с решением хозяев. Ну что ты будешь с таким делать? Не на руках же девяносто килограммов нести?

Толпа расступилась, и прима Большого театра Галина Вишневская, подобрав подол дорогого платья, легла на полу рядом со своим псом, глядя того и тихо шепча на ушко, что сейчас он войдет в самолет вместе с хозяином, а через несколько месяцев она с девочками прилетит к ним. Что его никому не отдадут и, упаси боже, не бросят.

На самом деле в этой истории, наверное, больше всех пострадал все же недоверчивый Кузя, которого сразу же по

³ Здесь и далее, где ссылка не авторизована, имеется в виду книга Г. П. Вишневской «Галина. История жизни».

прибытию забрали у хозяина и на целых полгода поместили за решетку в карантин. Мстислав Леопольдович все эти полгода навещал любимого пса, всячески утешая его.

Таможенник попросил Галину открыть чемодан, другой, деловито роясь в карманах Ростроповича, достал бумажник, вытащил из специального отделения написанные женой записочки, принялся читать. Мстислав хранил все письма, полученные от супруги, как величайшую драгоценность, всегда носил в нагрудном кармане у сердца; теперь в них бесцеремонно копался чужой человек.

«— Это что за коробки, почему так много?

— Мои награды».

Одну за другой таможенник открывал коробки с медалями и орденами: от Лондонского Королевского общества, от Лондонской филармонии, золотая медаль от Израиля, еще и еще золотые именные медали, иностранные ордена... отечественные: Государственной и Ленинской премии, медаль «За освоение целинных земель» и медаль «800 лет Москвы», что дали тогда всем москвичам.

С собой разрешили взять только две последние, а остальное нет. Это золото! Драгметаллы запрещены к вывозу.

«Славу всего затрясло:

— Золото? Это не золото, это моя кровь и жизнь, это мое искусство!.. Я зарабатывал честь и славу своей стране... А для вас это золото. Какое вы имеете право!..»

«— Закрой рот, и чтобы я не слышала больше ни одного слова, — Галина метнулась между мужем и таможенником, смотря на Ростроповича горящими глазами. — Вспомни, что двое твоих детей стоят вон там, и я здесь остаюсь. Ты понял, что ты делаешь? Успокойся... Сейчас ты сядешь в самолет... закроешь глаза и откроешь их, когда будешь в Лондоне. И ты увидишь совсем другие лица».

Когда через несколько месяцев Галина Павловна, распрощавшись с друзьями и в последний раз посетив дорогие могилы, отправится вслед за мужем, она оставит квартиру в Москве и дачу в Жуковке, не продав оттуда ни одного стула. С собой она повезет только вещи для себя и девочек.

Сколько раз до этого дня Галина Вишневская и Мстислав Ростропович ездили в творческие командировки, и никогда ничего подобного. Тут, должно быть, правительство действительно распрощалось с самой идеей вернуть через два года великого музыканта в Советский Союз. Иначе к чему такие унижения?

С другой стороны, как объяснить представителям таможни, отчего уезжающий всего на два года человек берет с собой все свои награды? Таможенники ведь на официальных приемах не бывают, откуда им знать, что некоторые из них Ростропович обязан представить перед высокой публикой, имея на груди тот или иной знак отличия.

Вытащив из чемодана мужнины пижамные штаны, Гали-

на завязала в них все коробки с орденами и медалями и, перебросив узел через плечо, направилась к толпе провожающих.

«— Галина Павловна, что это у вас?

— Награды Ростроповича несु обратно. Из Советского Союза можно вывозить ордена и медали, только сделанные из натурального дерьма».

После отъезда Ростроповича Галина Павловна пела в опере «Игрок», но, согласно последним веяниям, газеты либо не печатали рецензий на ее спектакли вовсе, либо, ставя в номер публикацию, забывали упоминать имя примы. В канцелярии театра был вывешен приказ об отъезде Вишневской за границу, это не могло не радовать ее дублерш, которые теперь наконец-то получали возможность раскрыть свой талант. Вишневская — еще та конкуренция, лучшая из лучших, такую не то что трактором, танком с места не сдвинешь, и вот вдруг она совершенно добровольно уезжает на целых два года! Да за два года еще неизвестно, что может приключиться. Как говорится, либо ишак помрет, либо султан, либо я сам. За два года много чего наворотить можно. В общем, народ с замиранием сердца ждал, когда же царица оперы отбудет, наконец, в свое вожденное зарубежье.

Глава 1

Зинаида

*...Брак истинный только тот, который
освещает любовь.
Л. Н. Толстой*

Последние дни в Советском Союзе Вишневская посвятила воспоминаниям. В полном одиночестве посетила она дорогие ей могилы своей учительницы Гариной⁴, дирижера Покровского⁵, Прокофьева⁶, Мелик-Пашаева⁷, съездила на дачу к Шостаковичу⁸, где в последний раз обняла гениального

⁴ Гарина Вера Николаевна – учительница пения, в прошлом оперная певица (г. Ленинград), в 1951–1952 гг. учила пению Г. П. Вишневскую.

⁵ Борис Александрович Покровский (1912–2009) – советский и российский оперный режиссер, педагог, профессор.

⁶ Сергей Сергеевич Прокофьев (1891–1953) – русский и советский композитор, пианист, дирижер, литератор. Народный артист РСФСР (1947). Лауреат Ленинской премии (1957) и шести Сталинских премий (1943, 1946 – трижды, 1947, 1952).

⁷ Александр Шамильевич Мелик-Пашаев (1905–1964) – советский дирижер, композитор, пианист, педагог. Народный артист СССР (1951). По национальности армянин.

⁸ Дмитрий Дмитриевич Шостакович (1906–1975) – русский советский композитор, пианист, музыкально-общественный деятель, доктор искусствоведения, педагог, профессор; народный артист СССР (1954), Герой Социалистического Труда (1966), лауреат Ленинской премии (1958), пяти Сталинских премий (1941, 1942, 1946, 1950, 1952), Государственной премии СССР (1968) и Государствен-

композитора, в последний раз посетила Большой театр. Побродила по его коридорам, посидела в гримерке, постояла на сцене, которой отдала двадцать лет своей жизни.

Она вспоминала все: сиротское детство в довоенном Кронштадте, суровые годы блокады, выступления на кораблях и в землянках. Перед глазами живыми картинами проплывали все ее спектакли, так, словно она их снова проигрывала один за другим, один за другим... вся ее жизнь... да и не только ее. Внезапно подумалось, что она умирает – говорят же, что перед смертью человек видит всю свою жизнь.

Неожиданно перед внутренним взором появилась мать Галины⁹, такой, какой она была когда-то давным-давно, когда Галя была еще крохой, и родители ненадолго взяли ее от бабушки с дедушкой. А может, и еще раньше, еще моложе, такой, какой она могла видеть мать разве что на старых фотографиях.

ной премии РСФСР имени М. И. Глинки (1974). Член КПСС с 1960 года.

⁹ Зинаида Антоновна Иванова – домохозяйка, мать Галины Вишневской.

Зинаида Антоновна Иванова – мать Галины Вишневской

Появилась, улыбнулась, подмигнула. Вот она какая я, девица-красавица. Ну, что стоишь, глазами лупишь, рассказывай обо мне.

Зинаида была видной девицей, с золотистыми косами в руку толщиной каждая. Как у русалки – распустишь, расчешешь частым гребнем, покроют они семнадцатилетнюю красавицу изысканным царским покрывалом. Большие черные глаза – настоящие цыганские, с той самой колдовской поволокой и густыми чернущими ресницами, казалось, могли свести с ума любого. Как говорили в старину, на семерых такой красоты отмерялось, а ей одной досталось. К добру ли? К худу? Как знать.

Впрочем, если бы природа раздавала свои дары менее эмоционально и более разумно, она, без сомнения, обратила бы свой материнский взор на красивую Зинаиду и подарила бы ей немного удачи.

Хотя поначалу окружающим как раз казалось, что Зина и парня выбрала себе под стать, такого же видного да красивого. Зинаида от той неземной любви расцвела еще больше, когда же девушка поняла, что беременна, и живот начал заметно округляться, любимого и след простыл. То ли бросил влюбленную девчонку, то ли был убит в пьяной драке, история не сохранила для нас даже имени героя романа цыганки Зинаиды. А вот ребенок во чреве остался, и теперь Зинаиде

срочно нужно было что-то делать.

Конечно, живи она, как ее предки, в таборе, там бы ребятенка не обидели. Но Зина была крещеной и жила среди обычных людей, которые не любят матерей-одинок и до конца века станут дразнить невинного ребенка мерзким словом «безотцовщина». И если гордая Зинаида могла стерпеть такую участь для себя, она была готова костью лечь, лишь бы только не дать в обиду любимого ребенка.

Поэтому, обеда мужичин, находящихсся на стройке, где она работала по комсомольской путевке, своим знаменитым цыганским колдовским взором, она вдруг встретилася глазами с взглядом, который просил, молил ее если не о любви, то хотя бы о сострадании.

Комсомольский вожак, двадцатилетний Павка¹⁰ был по всем статьям завидным женихом. Из тех, о ком говорят – первый парень на деревне. И именно он, по идее, должен был прорабатывать беспутную Зинку на собрании, клеймя ее позором. И надо же, именно он Павел Андреевич Иванов, смотрел теперь на беременную Зинаиду, пожирая ее влюбленными глазами.

«Вот за него и выйду», – шевельнулось в голове Зинаиды. И она тоже улыбнулась Павлу.

Свадьба получилась бедная, да лучше бы ее и вовсе не

¹⁰ Отец Галины Вишневской, Павел Андреевич Иванов – с юношеских лет убежденный коммунист, окончил реальное училище, в 1921 году участвовал в подавлении Кронштадтского восстания.

было. Все ведь знали, от кого у Зинки ребенок. Тем не менее, Павка хорохорился и будущую жену в обиду не давал. Забрал ее уже на сносях со стройки и привез в Кронштадт к родителям. Здесь тоже скрыть все и взять чужой грех на душу не получилось. Слишком большой срок. Да и сама Зинаида отроду не являлась образцом кротости, могла и обругать новых родственников, да и о своем ребенке говорила почти что открыто.

Родив мальчика, она сделалась самой заботливой матерью, должно быть, ребенок напоминал ей ее единственную любовь, человека, которого она навсегда потеряла. На какое-то время она даже стала нежна с Павлом, честно пытаясь в него влюбиться. Но уж очень странный муж попался цыганке Зине, любившей шумные общества, песни, пляски до рассвета. Павел – комсомолец по призванию. В пьяном виде он произносил лозунги, не запинаясь, и наизусть взхлеб цитировал статьи о последних постановлениях пленума партии. Скука смертная.

Вскоре после рождения сына Зинаида обнаружила, что снова беременна, и была этому не рада. Теперь-то она ждала ребенка не от любимого человека, а от занудного агитатора Павла. И что это еще будет за ребенок, неизвестно. Первая беременность прошла на редкость удачно, вторая замутила Зинаиду постоянной тошнотой, рвотой, распухали ноги... Она сильно похудела и, что немаловажно, на какое-то время потеряла свою красоту и привлекательность. Явный

признак – будет дочь. Но ей, Зинаиде, как раз и не хотелось становиться некрасивой. Она-то уже поняла, что пока мужа нет дома, а со своими комсомольскими делами он оставлял супругу на недели, она вполне может встречаться с более интересными кавалерами. А что теперь?

Когда медсестра положила перед едва отошедшей от родов Зинаидой орущий на всю больницу сверток, она с негодованием отстранила его от себя.

– Неужели это моя дочь? Не может такого быть! Фу, какая страшная, унесите скорее.

Девочка родилась крошечной. Зато ее личико и тельце были покрыты черными волосами, отчего она делалась похожей на мартышку. И это в сравнении с обожаемым сыном, который всегда был для матери венцом творения!

Зинаида с радостью оставила бы мерзкую малютку в больнице, но свекровь, должно быть, предчувствуя что-то в этом роде, поспешила забрать внучку.

Ссылаясь на послеродовую травму, Зинаида к грудничке не прикасалась, уверяя, что не может это сделать, так как чувствует такое омерзение, будто дает грудь самому дьяволу. Вскоре Павел получил какое-то новое задание и должен был уехать в длительную командировку. Зинаида отправилась с ним, забрав с собой сына.

В результате, бабушка, делать нечего, стала выкармливать малютку козьим молоком да нажеванным хлебом. Жили они в коммунальной квартире, которую до революции занимал

какой-то адмирал с семьей. В огромной просторной кухне стояла массивная плита с духовкой, в которую мог войти целый баран. Вот как раз в эту еще теплую после готовки духовку, точно ведьма маленького Жихарку, клала бабушка свою внучку отогреться. За черные волосы да пронзительный голос девочку называли Галочкой.

Любовь и забота сделали свое дело, Галя быстро хороше-ла, и неудивительно, что вскоре родители все же забрали дочь к себе. Правда, как оказалось, ненадолго. На один год.

Зинаида к тому времени уже научилась принимать у себя любовников таким образом, чтобы муж их не заставлял. Тот, конечно, узнавал от соседей и бросался с кулаками на жену. Галя самоотверженно защищала мать, путаясь под ногами у пьяного родителя или пытаясь закрыть собой беспутную Зинаиду. Однажды отец, схватив девочку за шиворот, потребовал отчета: «Кто здесь без меня был?».

Через всю жизнь Галина пронесла два простых правила, как жить по совести: «Не воровать и не предавать». Поэтому она врала, смело глядя в красное от выпитой водки, потное лицо родителя: «Никого не было. Никто не приходил». Отец замахнулся топором: «Говори, паскуда, цыганское отродье. Убью!». Галя стояла на своем, понимая, что лучше умрет, чем станет предателем. Наконец отец бросил топор и, шата-ясь, ушел из дома.

Галя думала, что мама будет ей благодарна, но та вскоре нашла предлог отправить свою защитницу обратно к бабу-

ле. Должно быть, не поверила, что нелюбимая дочь и впредь станет рисковать жизнью ради нее, а может, стало совестно, что нелюбимая.

Вот так в возрасте пяти лет Галя вернулась в адмиральскую квартиру. Сурово исподлобья посмотрела на встречающую ее с распростертыми объятиями бабушку, не удостоила взглядом дядю Андрея (младшего брата отца)¹¹. Ни с кем не поздоровалась и, как арестантка в камеру, картинно заложив руки за спину, отправилась, куда ее конвоировали.

«— Ну, чего надулась, как бык вологодский?
Здравствуй!..

А я молчу, не подхожу.

— Эх, цыганское отродье, матушкина порода...»

Галя чувствовала унижение, ее, точно ненужную вещь, взяли и передали с рук на руки. Решила, что если все время будет хмуриться да кукситься, бабушка пожалуется папе, и тот заберет ее домой. Какое там. У Павла шла серьезная, требующая всего его времени партийная работа, Галя не знала, но как раз в это время родители ее наконец-то развелись, и теперь отец жил совсем с другой женщиной, которой были не нужны чужие дети.

¹¹ Андрей Андреевич Иванов, дядя Галины Вишневской – учитель физкультуры. Во время ВОВ пропал без вести.

Галина с матерью и братом. 1930 г.

Зинаида играла на гитаре и распевала цыганские песни, которые быстро выучила и Галина, повторяя за матерью: «... Очи черные», «Бирюзовые колечки» или городские романсы. «Бывало, соберутся гости, и тут же: «Галя, спой!». В таких случаях я почему-то залезала под стол. Публики я совершенно не боялась – наоборот, очень рано почувствовала в ней потребность: петь для себя самой было неинтересно, нужны были сопереживатели, сочувствующие. Но, вероятно, мне хотелось особой, таинственной атмосферы, хоте-

лось уйти от реальности и создать свой мир. И вот из-под стола несется: «Очи чер-ные, очи страст-ные, очи жгучие и прекра-а-а-а-с-ные...». Мне только три года, а голос мой – как у взрослой, – рассказывает в своей книге Галина Вишневская. – Я родилась с поставленным от природы голосом, и окружающим странно было слышать такой сильный грудной звук, воспроизводимый горлом совсем маленькой девочки. Услышав аплодисменты, я вылезала из-под стола, раскланивалась и, окрыленная успехом, начинала изображать то, что пою. Вот такая, например, песенка:

Девушку из маленькой таверны
Полюбил суровый капитан,
Девушку с глазами дикой серны
И с улыбкой, как ночной туман.

Я исполняла этот «шедевр», стоя на стуле, – такая мизансцена казалась мне очень эффектной, потому что, когда подходил смертный час несчастной девицы «с глазами дикой серны», можно было кинуться в море с маяка (то есть со стула на пол) и изображать утопленницу. Все были в восторге. Тут же я плясала цыганочку, трясла-поводила плечами и кричала: «Чавелла!».

У матери, от природы музыкальной, был небольшой приятный голос. Отца Бог наградила замечательным драматическим тенором. Когда-то он мечтал стать певцом, но, как мно-

гие русские люди, был подвержен «слабости», весьма распространенной, – пьянству.

Напившись, любил петь ариозо Германа из «Пиковой дамы»:

«Что наша жизнь? – Игра!».

В общем, начало многообещающее. Теперь же она пела для своей бабушки и ее гостей. Распевая песни, девочка словно оттаивала, прекращала дичиться и смотреть на всех волчонком, а потом опять замыкалась в себе, отворачивалась, не отвечала на вопросы, грубила. Видно, сильно ее обидело, что родители изгнали ее из дома, что мать предпочла ей старшего брата. Да тут еще и бабушка по незнанию подливала масла в огонь, жалеючи называя внучку «сироткой», – и это при живых-то родителях! Правда, живы они или нет, Галя понятия не имела; получая приличную зарплату, отец ни копейки не выделял на свою кровинку. Впрочем, он почти все время находился где-то далеко. Горячее время – начало коллективизации, «кулаков раскулачивают». Тут только поспевай. До детей ли ему? До семьи?...

Мама тоже не спешила баловать свою единственную дочь, не то что денег, даже писем никогда не слала. Для нее Галя – отрезанный ломоть. Недоразумение, которое и рожать-то, по-хорошему, не следовало. Чужая, нелюбимая, ненужная.

Зато бабушка баловала внучку, потакая ей во всем. То платице из своей старой юбки сошьет, то варежки свяжет.

Дядя Андрей – типаж Иванушки-дурачка, младший в семье, бесхитростный, добрый. Все что зарабатывал, отдавал матери и племяннице, работал как вол, часто отказывая себе даже в обеде, но все в дом.

Андрея в Кронштадте считали блаженным или дурачком. разве путевый мужик вместо того, чтобы завести собственную семью, станет возиться с племянницей? А он растил, не считая это чем-то из ряда вон. Тетя Катя, папина сестра, весь день на работе, а вернется – еще и по дому шустрит.

Два мужских образа из детства Галины Павловны Вишневской: ярый коммунист отец с его злостью и яростью и кроткий, добродушный Андрей, отдающий чужому ребенку последнее. «Отец мой, с юношеских лет убежденный коммунист, окончил реальное училище, а в 1921 году, семнадцати лет от роду, уже участвовал в подавлении Кронштадтского восстания, стрелял в матросов. Сын потомственного рабочего, стрелял в своих. Это оставило страшный отпечаток в его душе, изуродованной ленинскими лозунгами. Всю свою дальнейшую жить он упорно искал и, видно, не находил себе оправдания. Каяться, просить прощения у Бога он не мог – в Бога он не верил.

А что делает в таком случае русский человек? Он начинает пить. В пьяном виде отец был страшен, и не было тогда в моей жизни человека, которого я бы ненавидела так, как его. С налитыми кровью глазами он становился в позу передо мной – ребенком – и начинал произносить речи, как

с трибуны:

– Тунеядцы!.. Дармоеды!.. Всех перррр-естрррр-ляю! Мы – ленинцы! За что боррр-олись? Мы делали революцию!..

А я стояла, разинув рот, слушала, и в этом в дымину пьяном ленинце была для меня все революция, все ее идеи».

Вот такие два мужчины, два образа: один навсегда убил в Гале все иллюзии «светлого коммунистического будущего», которым грезили ее ровесники, второй показал, что значит доброта безусловная, любовь беззащитная, кроткая, ничего не требующая взамен. Две главные женщины ее жизни – непостижимая, но прекрасная и далекая, как звезда, мать, и добрая, терпеливая бабушка, без криков и лозунгов делавшая то, что было необходимо. Все, что было в ее силах, и, как водится, немного сверх возможного.

О роли матери в жизни Галины Павловны можно говорить что угодно, но одно бесспорно: Галина всю жизнь тянулась к ней и в той или иной степени пыталась повторить эту недоступную ей холодную красавицу, чью любовь она так и не заслужит.

До самого последнего дня Галина будет думать, что Зинаида отвергла ее, потому что она уродилась не такой красивой как мать; та ведь – редкое сочетание: блондинка с черными глазами и черными же бровями и ресницами. Пройдут годы, и однажды, посетив умирающую от рака мать в больнице, Галина с ужасом для себя обнаружит, что волосы у той чернее вороньего крыла, и лишь на концах светлые. Мать всю

жизнь освещалась и красилась!

Получается, на самом деле и мать, и дочь были в одну цыганскую породу, но, как говорится, «ничто так не красит женщину, как перекись водорода».

Уму непостижимо: такое чувство, что мать стеснялась черноволосой дочери, потому что сама на самом деле была такой же. В детективной литературе очень часто можно встретить утверждение, будто зачастую мотив преступления невозможно вычислить, потому что люди подчас убивают друг дружку по самым незначительным и не стоящим того причинам. Кто-то выиграл последний рубль в карты, кто-то купил машину или завел себе красивую подружку. В результате мгновенная вспышка, ссора и убийство. Здесь мать всю жизнь скрывала от дочери, что красит волосы. Куда уж проще было вопреки всему на свете покрасить волосы ребенку, и пусть весь мир хоть желчью изойдет от зависти. Зинаида предпочла тихо ненавидеть девочку, напоминающую ей ее же саму! Непостижимо!

Любопытно, что когда у Галины появятся дети, они тоже будут воспитываться не ею и не Ростроповичем. Дочерей нашей героини воспитает домработница Римма, о ней дальше. Вообще, если говорить о традиции воспитания детей, то истари на Руси не было такого, чтобы женщина одна поднимала всю ораву ребят, которую ей удастся родить, сохранить и вырастить. Жили большими семьями: бабушки, дедушки, прабабушки, прадедушки, нередко все под одной крышей.

Муж с женой идут в поле работать, ребятишки остаются под присмотром бабушек, дедушек. И это правильно: пока человек в силах выполнять тяжелую работу, он тянет лямку, с малолетками же сидят те, кому в поле уже или еще не выйти. При этом детей с самого раннего возраста приучают к труду и заботе о младших. Революция погубила не только деревню, она разрушила вековой семейный уклад. Теперь молодые люди стремились жить со своей семьей отдельно, в идеале – на какой-нибудь прогрессивной стройке, где никаких бабушек-дедушек нет и в помине. В результате на женщину свалились все семейные хлопоты, плюс ее еще заставляли работать смену на какой-нибудь фабрике (у нас ведь, когда не надо, равные права мужчин и женщин), потом тащиться домой и уставшей заниматься хозяйством. Или сидеть в четырех стенах, исполняя всю работу по дому и выращивая детей. Ноша не из легких.

Галина Вишневская с бабушкой. 1932 г.

В доме у дедушки и бабушки Гале жилось привольно. Дедушка работал печником и считался мастером – золотые руки. Всегда старался принести внучке гостинчик, при этом чем пьянее возвращался с заработков, тем был щедрее. Умная девочка эту связь быстро обнаружила. Бабушка привычно ругала пьяного старика, а он только отмахивался, ну что, мол, сделаешь, традиция на Руси такая. Сделал дело, обмой его смело. А не обмоешь, еще неизвестно, как сия печь работать станет. А вдруг дымить начнет, а ему потом обидный

укор. Впрочем, бабушка тоже нет-нет, да и прикладывалась к стоящей в буфете чекушке. «Бабушка моя из крестьянской семьи. – Вспоминает Галина Павловна. – Худенькая, небольшого роста, очень энергичная – целый день на ногах. Рано утром уже бежит на базар, в магазин, чтобы подешевле купить что-нибудь для еды. Получала она после дедушки пенсию – 40 рублей в месяц, а масло в то время стоило 16 рублей килограмм. Как мы умудрялись жить – не понимаю. Отец подбросил меня в Кронштадт – и забыл, денег не посылал. Бабушка стирала белье на чужих, шила – этим и жили. Любила водочки, конечно, выпить. Одиннадцатого числа каждого месяца она получала свою пенсию и по дороге домой покупала себе «маленькую» за 3 руб. 15 коп. Чекушку держала в буфете. Бывало, убирает, готовит, стирает, потом подойдет к буфету и рюмочку выпьет – так, глядишь, к вечеру чекушку и прикончит. Но это только с пенсии или с полочки Андрея. Еще она курила папиросы, самые дешевые – «Ракета», 35 копеек стоили, она меня за ними в лавку посылала. Было у нее несколько подруг. Обычно собирались они у нас дома в день пенсии. Выпьют, песни начинают петь». Вот такая жизнь – нищая, пьяная, да ведь другой она и не знала. С пьяного деда всегда можно было получить слипшиеся в единый облепленный махоркой комок леденцы, бабушкины подружки выдавали девочке копейки на мороженое, лишь бы она ушла из дома куда подальше и не мешала им о своем, о бабьем разговаривать. Получив мзду, Галя меняла домаш-

ние обрезанные валенки (тапок не водилось) на обычные валенки или латаные-перелатанные ботинки и до вечера болталась невесть где.

Подруг у нее почти не было, зато мальчишки принимали как свою. Все ведь знали: Галя Иванова не предаст, не на-ябедничает. На третьем году обучения перевели ее в новую школу, так в первый же день какой-то мальчишка выстрелил ей из рогатки прямо в лоб. Причем ровнехонько попал между глаз; чуть-чуть в сторону, и Галина лишилась бы глаза. Все понимали, что она не могла не видеть, кто это сделал, но Галя ничего не сказала, как ни пытали. За такую стойкость ее в классе сразу полюбили.

Учителям такое упрямство и несговорчивость, разумеется, поперек горла, но Галя – кремень, убить легче, чем перевоспитать. Так что в конце концов ее оставили в покое. Впрочем, что с нее, с «сиротки», возьмешь. Все ведь знают, бабушка с дедушкой жилы тянут, чтобы воспитать кровинушку. Дома Галю работой не загружали, домашние задания не проверяли, во-первых, некогда, во-вторых, некому: дядя Андрей преподавал в школе физкультуру, как ему доверишь склонения да дробь проверять, остальные не шибко-то грамотные. В результате Галина училась только по тем предметам, которые ей нравились, отвергая все точные науки без исключения; а зачем они, коли девочка в артистки пойдет?

Артисткам химия с физикой без надобности. Галя ходила на хор, в драмкружок, участвовала во всех вечерах – пес-

ни на Ленинскую тему, на конкурсах творчества юных пела. Голос, природой самой поставленный, сильный, как у взрослой. Репетировать дома начнет – весь двор, замерев, слушает, как Галка-артистка выводит:

Братишка наш, Буденный, с нами весь народ!
Приказ – голов не вешать и смотреть вперед,
Ведь с нами Ворошилов, первый красный офицер,
Идем вперед, вперед за СССР!

На всех конкурсах Галка Иванова первая. Без нее ни один концерт обойтись не может.

Однажды Галя влетела в квартиру и бегом к бабушке, в руках сверток – подарок за первое место в певческом районном конкурсе. Развернули – три метра ситца, белого в горошек. Это произошло, когда Галина училась еще только в первом классе! Из ситца бабушка сшила ей платье с воланами. Будет в чем на концертах выступать.

После этого Галка и вовсе загордилась, решила новое платье каждый день во двор трепать. Пусть все видят, как ее наградили. Бабушка запретила, так вздорная девчонка чуть ли не до утра в ванной комнате, закрывшись, проревела. Соседей умыться не пустила, а ведь это коммунальная квартира, народу человек сорок, все после работы злые. Бабушка то и дело к двери подойдет, прислушается, а внучка ей оттуда рассказывает, как вот она здесь помрет, и как они с дедом и дядей Андреем понесут ее хоронить. Наверняка ведь это са-

мое платье на покойницу наденут и плакать станут. Вот тогда она посмеется!

А потом еще завывала зычным голосом:

«Вечер вечереет,
Работницы идут.
Маруся отравилась,
В больницу повезут».

Бабушка ее давай уговаривать да ужином завлекать, а она, точно тетерев на току, ничего не видит, не слышит:

«Спасайте не спасайте,
Мне жизнь не дорога:
Я милого любила,
Такого подлеца».

– Да вытащите ее оттуда, безобразие, людям помыться не дадут, – стучит в дверь соседка.

А Галя, заткнув уши, продолжает:

«Приходит к ней мамаша
Свою дочь навестить.
А доктор отвечает:
«При смерти она лежит»».

В общем, так допелась, что все это себе натурально вообразила, лежит на полу и плачет о своей безвинно загублен-

ной жизни.

Во второй школе Галя познакомилась с учителем пения Иваном Игнатьевичем, который услышал Галю в хоре и как-то велел ей остаться после репетиции. В тот день они разучивали:

«Сталин – наша слава боевая,
Сталин – нашей юности полет!
С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет».

Гале было весело петь вместе с другими, учитель же буквально закидал ее вопросами: что пела? Где пела? Кто преподаватель? И поняв, что девочка, по сути, самоучка, попросил ее что-нибудь исполнить, и Галя завела:

«По долинам и по взгорьям
Шла дивизия вперед,
Чтобы с боем взять Приморье,
Белой армии оплот».

С Иваном Игнатьевичем Галя узнала о том, что такое гаммы, и они ей понравились. С ним же она начала разучивать «Весеннюю песенку», которую девочка должна была исполнить на Первомайском концерте.

«Приди, весна, скорее,
Приди к нам, светлый май,

Нам травку и цветочки
Скорее возвращай!
Верни нам, май, фиалки
У тихого ручья,
Верни весенних пташек —
Кукушку, соловья».

Странная песня, непривычная и одновременно с тем сладостная. Петь такое — все одно, что в дивный сон погружаться, где только море и солнце, замки, рыцари и прекрасные принцессы. Даже странно для других такое исполнять, после «Щорс идет под знаменем, красный командир», но исполнила. В зале зрители аж прослезились. А на следующем концерте Галя с другой девочкой, что в хоре до нее все время солировала, пела дуэтом «Баркаролу». «Впервые я почувствовала красоту слияния голосов — хотелось, чтобы никогда это не кончалось. Иван Игнатьевич нам аккомпанировал и совершенно растворялся в блаженстве. Этот дуэт мы пели на детской олимпиаде, и я получила в награду клави́р оперы Римского-Корсакова «Снегурочка»».

«Снегурочка» — роковой подарок. Придет время, и Галина споет в Большом свою Купаву, да так, что зрители сделают закономерный вывод: «Мезгирь, он что, совсем дурак? Как мог он поменять страстную, красивую Купаву, на замороженную Снегурочку?». Но чудеса еще не закончились, и вслед за клави́ром Галина получила еще один необыкновенный подарок. Пришло письмо от матери, и та предлагала

привезти Галю к ней на пару дней в Ленинград. Первый юбилей – десять лет, и подарок соответствующий – самый настоящий патефон, и к нему комплект пластинок оперы Чайковского «Евгений Онегин». Татьяну пела Кругликова¹², Онегина – Норцов¹³, Ленского – Козловский¹⁴.

¹² Елена Дмитриевна Кругликова (1907–1982) – советская оперная певица (лирическое сопрано), педагог. Народная артистка РСФСР (1947). Лауреат Сталинской премии первой степени (1943).

¹³ Пантелеймон Маркович Норцов (1900–1993) – советский оперный певец и вокальный педагог. Народный артист РСФСР (1947). Лауреат Сталинской премии первой степени (1942).

¹⁴ Иван Семенович Козловский (1900–1993) – советский оперный и камерный певец (тенор), режиссер. Народный артист СССР (1940). Герой Социалистического Труда (1980). Лауреат двух Сталинских премий первой степени.

Галина Вишневская в роли Татьяны из оперы «Евгений Онегин». 1950-е гг.

Женский голос как ветер несется,
Черным кажется, влажным, ночным,
И чего на лету ни коснется —
Все становится сразу иным...

(Анна Ахматова. «Слушая пение». Стихотворение посвящено Галине Вишневской. 1961 г.)

Татьяна Ларина – первая роль Галины Вишневской в Большом театре, куда она поступит через пятнадцать лет. Причем первым Онегиным для нее будет все тот же Норцов, в голос которого она влюбилась еще в детстве. Знаменитый артист как раз заканчивал свою карьеру, а Галина начинала. Так и хочется сказать: дождался ее. Что это, если не судьба?

Музыка Чайковского и стихи Пушкина произвели на Галину необыкновенное впечатление, ошеломили ее, потрясли. Теперь она могла целые дни напролет слушать эти пластинки, не обращая внимания на просьбы соседей о тишине.

Но Галина уже далеко, она нашла дверь в волшебный мир и теперь не в силах покинуть его надолго. Она слушает Пушкинскую поэзию и невольно осознает, насколько этот язык далек от языка, на котором говорят вокруг нее, даже от языка, на котором поют песни. Сравните хотя бы слова Татьяны: «Я пью волшебный яд желаний, / Меня преследуют мечты!» и «Маруся отравилась, / В больницу повезут». Вроде тоже яд, но совсем иной, Галю охватывает восторг, когда она

представляет, как пьет из хрустального бокала волшебный
яд, как кружится на балу, как... Меж тем подходит очеред-
ной день получения пенсии, и у гостеприимной бабушки со-
бираются ее подруги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.